

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ**CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE**

Аннотация встречи / Abstract of a meeting
<https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.491-510>

EDN: YVGFEV

**Изобретая прошлое:
дискуссия на Круглом столе «Всецарица “Суембика”»**

**Л.Р. Габдрафикова^{1,2}, Г.Ф. Габдрахманова¹ ✉, Д.М. Гараев^{1,3},
М.М. Гибатдинов¹, Э.М. Дусаева⁴, Б.И. Измайлов¹, И.Л. Измайлов¹,
Л.В. Сагитова¹, А.Г. Хайрутдинов¹, И.И. Ханипова¹**

¹ *Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан*

² *ФИЦ «Казанский научный центр РАН»*

³ *Казанский (Приволжский) федеральный университет*

⁴ *Институт городских исследований «Тамга»*

Казань, Российская Федерация

✉ medi54375@mail.ru

Резюме. 24 апреля 2025 г. в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ прошел Круглый стол «Всецарица «Суембика»: образ и его трансформация в исторической памяти русского и татарского народов». В связи с тем, что тема исторической памяти с акцентом на общих местах памяти как пространства преодоления конфликтов и культурного консенсуса является важной с научной и практической точек зрения, редакция журнала «Историческая этнология» решила опубликовать стенограмму заседания. В нее включен текст доклада ведущего научного сотрудника Института, доктора исторических наук И.Л. Измайлова и дискуссии, возникшей вокруг него.

Сююмбеке была правительницей Казанского и Касимовского ханства. Время ее властвования пришлось на период завоевания Казани московским царем Иваном IV и междоусобных войн средневековых тюрко-татарских государств (середина XVI в.). Историческая роль этой женщины была яркой и трагической. С ее именем связана распространенная народная легенда о том, что Сююмбеке сбросилась во имя любимого человека с башни Казанского Кремля. Но эта проездная башня была построена лишь в конце XVII в. Целью Круглого стола стало обсуждение вопроса о том, почему Сююмбеке стала знаковой личностью в исторической памяти татар и как формировался ее образ на протяжении нескольких столетий.

Участники дискуссии пришли к заключению о том, что образ Сююмбеке начинает формироваться в XVII в. и получает окончательное оформление в период нациестроительства у татар

© Габдрафикова Л.Р., Габдрахманова Г.Ф., Гараев Д.М., Гибатдинов М.М., Дусаева Э.М., Измайлов Б.И., Измайлов И.Л., Сагитова Л.В., Хайрутдинов А.Г., Ханипова И.И., 2025

в начале XX в. Особое место этой женщины в исторической памяти предопределилось множеством факторов: благодаря творчеству писателей и поэтов России эпохи романизма, которые первыми публично сконструировали образ Сююмбеке; ее ассоциирование татарским народом и татарской интеллигенцией с трагическим периодом национальной истории, ограничения российской империи в части педалирования темы правителей тюрко-татарских ханств, являвшихся мужчинами и судьба которых не была столь драматичной; гендерной принадлежностью, придавшей образу эмоциональность и основу для его восприятия через материнство; наконец, природой самой исторической памяти, предполагающей обязательное наличие пантеона героев, жертвующих собой ради народа. Жертвенность, мученичество, напряжение истории – главные эмоциональные основы изобретения прошлого.

Ключевые слова: историческая память, исторический образ, нарративы, конструирование памяти, Сююмбеке.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р., Габдрахманова Г.Ф., Гараев Д.М., Гибатдинов М.М., Дусаева Э.М., Измайлов Б.И., Измайлов И.Л., Сагитова Л.В., Хайрутдинов А.Г., Ханипова И.И. Изобретая прошлое: дискуссия на Круглом столе «Всецарица "Суембика"». *Историческая этнология*. 2025. Т. 10. № 3. С. 491–510. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.491-510> EDN: YVGFV

Inventing the past: Discussion at the Round table “The Queen of All "Suembika"”

**L.R. Gabdrafikova^{1,2}, G.F. Gabdrakhmanova¹ ✉, D.M. Garaev^{1,3},
M.M. Gibatdinov¹, E.M. Dusaeva⁴, B.I. Izmailov¹, I.L. Izmailov¹,
L.V. Sagitova¹, A.G. Khairutdonov¹, I.I. Khanipova¹**

¹ *Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences*

² *Federal Research Center "Kazan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences"*

³ *Kazan (Volga Region) Federal University*

⁴ *Institute of Urban Studies “Tamga”*

Kazan, Russian Federation

✉ medi54375@mail.ru

Abstract. On April 24, 2025, the Round table “The Queen of All "Suembika": Image and its transformation in the historical memory of the Russian and Tatar peoples” was held at the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences. Due to the fact that the topic of historical memory with an emphasis on common places of memory as a space for cultural consensus and overcoming conflicts is important from a scientific and practical point of view, the editors of the *Historical Ethnology* journal decided to publish the transcript of the meeting. It includes the text of the report of the leading researcher of the Institute, Doctor of Historical Sciences I.L. Izmailov and the discussion that arose around it. Syuyumbike was the ruler of the Kazan and Kasimov Khanates. The time of her reign fell on the period of the conquest of Kazan by the Moscow Tsar Ivan IV and

the internecine wars of the medieval Turkic-Tatar states (mid–16th century). The historical role of this woman was outstanding and tragic. There is a popular legend associated with her name that Syuyumbike threw herself off the tower of the Kazan Kremlin in the name of her beloved one. However, this gate tower was built only at the end of the 17th century. The purpose of the Round table discussion was to consider the question of why Syuyumbike became an iconic figure in the historical memory of the Tatars and how her image was formed over several centuries. The participants of the discussion came to the conclusion that Syuyumbike's image began to form in the 17th century and received its final form during the period of nation-building among the Tatars at the beginning of the 20th century. The special place of this woman in historical memory was predetermined by multiple factors. 1) Owing to the work of writers and poets of Russia during the era of Romanism, who were the first to publicly construct the image of Syuyumbike. 2) Its association by the Tatar people and the Tatar intelligentsia with a tragic period of the national history, the limitations of the Russian Empire in terms of pedaling the theme of the Turkic-Tatar khanates rulers, who were men and whose fates were not so dramatic. 3) Gender, which imparted emotionality to the image and the basis for its perception through motherhood. 4) Finally, the nature of historical memory itself, which presupposes the obligatory presence of a pantheon of heroes who sacrifice themselves for the sake of the people. Sacrifice, martyrdom, the tension of history are the main emotional foundations of the invention of the past.

Keywords: historical memory, historical image, narratives, construction of memory, Syuyumbeke.

For citation: Gabdrafikova L.R., Gabdrakhmanova G.F., Garaev D.M., Gibatdinov M.M., Dusaeva E.M., Izmailov B.I., Izmailov I.L., Sagitova L.V., Khairutdinov A.G., Khanipova I.I. (2025) Inventing the past: Discussion at the Round table “The Queen of All "Suembika””. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 10. No. 3: 491–510. <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.491-510> (In Russ.)

М.М. Гибатдинов: Тема сегодняшней встречи очень примечательна во многих аспектах. Говоря о роли личности в истории, можно прочитать сотни лекций. Некоторые будут доказывать, что ее нет, значение имеет только естественный ход исторических событий, логика мирового прогресса и какие-то массы, группы решают вопросы исторического развития. Кто-то будет доказывать обратное. Я согласен со вторым: несмотря на все закономерности, которые мы пытаемся выявить и иногда прописать прошлое, мы все больше убеждаемся, что личность в истории играет определенную роль. Определяющую или не определяющую – я не знаю. Но личности откладывают отпечаток на эпоху, а она откладывает отпечаток на нас, а нас, в свою очередь, на понимание того, поэтому этот вопрос очень важный.

Другой вопрос – насколько те реальные исторические личности, которые существовали когда-то, насколько они соотносятся или вообще не соотносятся с теми образами, которые у нас в головах, в душе, в нашей исторической памяти. У каждого кто учился в школе есть образ, который стоит перед глазами, когда говорят о Сююмбеке, Иване Грозном, Александре Невском. Потому что они для нас существуют, они реальные через картины, фильмы, другие произведения искусства. Какой из этих образов для нас с вами, для современников более ценен и действенен? Тот реальный аутентичный, но неизвестный, который еще

надо доказывать каким он был? Или образ из произведений художников, который кому-то может нравиться больше и тогда человек, привыкнув к нему с детства, будет доказывать, что Сююмбеке так и выглядела? Это разговор очень интересный и требует продолжения.

Д.М. Гараев: Тема памяти стала объектом внимания у историков относительно недавно. В 1970-ые годы они стали изучать не только прошлое, но и то, какие есть о нем представления у людей. Это происходило еще в Советском Союзе. Сегодня тема памяти стала актуальна, поскольку, например, есть идея Виктора Шнирельмана о войнах памяти. В 1990 и 2000-е ученые уделяли много внимания различиям, войнам, столкновениям, образам другого. Сейчас чаще говорят об общих местах памяти как альтернативе такому взгляду. Интересно понять, не только как места памяти могут разъединять, создавать сложные ситуации, но и как они могут объединять. В этой связи у нас возникла идея поговорить об этом, сделать серию семинаров, посвященных теме исторической памяти. Я предложил назвать ее «Республика». Это слово имеет двойное значение: «Res publica» с латыни – это «вещь» и «общественное». Позже оно стало пониматься, как «общее дело». Например, общее дело горожан стало близко понятию «общие места памяти». «Республика» ищет эти общие места, общее дело и готова говорить об этом.

Искандер Лерунович расскажет нам об образе Сююмбеке в русской и татарской исторической памяти. Это сложный образ, а поэтому это особо интересная тема.

И.Л. Измайлов: Я горд и благодарен за то, что мне поручили такую сложную миссию открыть цикл семинаров. Они будут не только общим местом, но должны стать важной дискуссионной площадкой. В Советское время в академических институтах существовали такие занятия, как дискуссионные лекции, на целый год утверждалась тематика и каждый ученый должен был в рамках этого семинара прочитать какую-то лекцию. Это служило основой для дискуссий и обсуждений, выработки общих подходов. Когда мы обсуждали с чего начать, решили, что тема Сююмбеке вызовет наибольший интерес. Она одна из самых важных, ключевых: если говорим о местах памяти, то Сююмбеке лучше всего подходит для определения этого понятия. Приступим к лекции.

Есть легенда, которую часто рассказывают туристам экскурсоводы, что Сююмбеке якобы бросилась с башни в центре Казанского Кремля, чтобы не попасть в плен к врагам. Эти рассказы часто сопровождаются разными романтическими подробностями. Это показывает, как сложно и одновременно просто формируется исторический образ и насколько он далек от реалий истории. Это как раз то, что должна изучать историческая антропология и то, что понимается как «историческая память». Попробуем рассмотреть этот феномен, обращаясь к образу Сююмбеке.

Историческая личность часто играет разные роли при жизни и еще чаще превращается в набор клише, которые используют потомки для объяснения прошлого. В полной мере это является правильным для такой личности, как ка-

занская и касимовская ханбике Суюмбеке. Историческая роль ее была яркой и трагической. Таков был удел женщин во всем средневековом мире, где они были не просто на вторых ролях, но игрушками и жертвами в руках мужчин. Но личная трагедия Суюмбеке, совпавшая со временем падения Казанского ханства, определила ее связь с этим событием, придав ему отсвет личности. Именно такой образ привлекал внимание писателей и поэтов России эпохи романизма, запечатлевших Суюмбеке в поэмах, пьесах и даже опере. Из русской культуры ее образ вернулся в татарскую культуру, став неотъемлемой частью формирующегося образа «Матери нации». Образ Суюмбеке является удивительным примером, связующим разные культурные миры. В XIX в. он нашел материальное воплощение в почитании проездных башен воеводского двора Казанского Кремля конца XVII в.

Для нас важно рассмотреть и понять образ Суюмбеке с помощью концепции исторической памяти, которую можно свести в важные блоки: «бремя памяти» – отсылка к прошлому как важнейший эффективной скрепы для консолидации нации; «культурная травма» – страдания и траур консолидируют сильнее, чем триумф и успех; «конструирование памяти» – важное значение забвения и воспоминания для конструирования национальной памяти; «изобретенное прошлое» – выявление расхождения между научным исследованием и сконструированной национальной памятью.

Историческая личность – Суюн-бике (Сөйүнч-бике) (Суюнбик-царица, Сумбека), хан-бике, дочь ногайского бия Юсуфа – была женой казанских ханов – Джан-Али (1533–1535), Сафа-Гирея (1535–46) и Шейх-Али (с 1551). Ее выдали замуж за казанского хана Джан-Али, брата касимовского хана Шейх-Али, который пользовался покровительством московского правительства. Политика Джан-Али вызвала недовольство казанской аристократии. В 1535 г. он был свергнут заточен в тюрьму в Иски-Казани, а позднее казнен. Возведенный на престол новый хан Сафа-Гирей взял в жены Суюмбеке – вдову хана Джан-Али. В 1536–37 гг. хан Сафа-Гирей вел наступательную военную политику в отношении Московского государства, что вызвало недовольство казанской аристократии. В 1546 г. они свергли Сафа-Гирея и заставили его вернуться в Ногайскую орду. Сафа-Гирей смог заручиться поддержкой бия Юсуфа – отца Суюмбеке, который поддержал его в борьбе за Казань. Короткое правление Шейх-Али и его репрессии в отношении казанской аристократии привели к мятежу. В июле 1546, заключив договор с ногайским бием Юсуфом и получив у него войско во главе с сыном Юсуфа Юнусом, Сафа-Гирей вернулся в Казань и сверг хана Шейх-Али. Новый хан продолжал вести наступательную военную политику, периодически ведя войны с Москвой.

Пик политической карьеры Суюмбеке пришелся на год, когда в марте 1549 г. Сафа-Гирей скоропостижно скончался, оставив правителем малолетнего сына Утямыш-Гирея. Ханбике Суюмбеке стала регентшей и фактической правительницей Казанского ханства вместе с огланом Кучаком (Кошачком). Ее правление вызвало недовольство царя Ивана IV, который начал войну, но поход

на Казань в 1550 г. окончился неудачей. Уже весной 1551 г. Сююмбеке, спасаясь от заговора казанской аристократии, пыталась бежать к отцу, но попала в засаду и была выдана в Москву, где ее заставили выйти замуж за касимовского хана Шейх-Али. По слухам, которые попали в дипломатическую переписку Ивана IV с ее отцом бием Юсуфом в 1554 г., муж относился к ней плохо и даже мучил ее. Дата смерти и место погребения Сююмбеке неизвестны.

Сююмбеке была одной из немногих женщин-правительниц в мусульманском мире и это не могло привлечь к ней внимание. В исторической памяти ее яркая и насыщенная событиями жизнь стала предметом художественного осмысления.

Первым стало историко-публицистическое сочинение «Казанская история (История о Казанском царстве)» (разные редакции составлялись в конце XVI – середине XVII в.), где «Сунбика» описывается как умная и красивая, но коварная женщина, повинующаяся не политическим расчетам, но своим чувствам (любви, ревности, ненависти). Ее яркий образ в этом сочинении стал определяющим для русской литературы, касавшейся истории Казани и ее завоевания.

В XVIII в. появились русские исторические поэмы, где Сююмбеке стала символом Казани, средоточием антирусских сил, но при этом ее образ – это жестокая и коварная, хотя и чувственная женщина (М.М. Херасков «Россияда» (1779), А.Н. Грузинцев «Покоренная Казань» (1818), Г.Р. Державин «Грозный, или покорение Казани» (1814)). В век романтизма образ «Сююмбеке» стал трактоваться как романтическая натура, приносящая политику в жертву своим чувствам (С.Н. Глинка «Сумбека, или падение Казанского царства» (1806), М.С. Рыбушкин «Иоанн, или взятие Казани» (1814)). В середине XIX в. с движением в сторону реализма в романах образ царицы предстает более сложным и трагичным (В.И. Лапин «Взятие Казани» (1855)).

В исторической памяти татарского народа образ Сююмбеке проникает из русской литературы и переосмысливается через образ родины, которую предали, а сама судьба Сююмбеке переплетается с падением Казани. В татарских исторических сочинениях различных жанров (от исторических трудов (Ш. Марджани, Х. Фаизханова, Х. Атласи) до романов и стихотворений (Г. Исхаки, М. Гафури, Ф. Амирхан) и исторических драм (Ф. Туйкин) образ Сююмбеке являлся символом сопротивления русскому завоеванию, борьбы за национальную свободу, а ее трагическая судьба, предвосхищающая падение Казанского ханства, вызывала катарсис, стремление к продолжению борьбы за свободу.

В художественном отношении широко известен «Баит о Сююмбеке», впервые опубликованный в 1912 г., который явно восходит к популярным произведениям историка Р. Фахретдина и плачем «Сунбеки» из «Казанской истории».

Позднее в татарской литературе был создан романтический и идеализированный образ Сююмбеке (Ф. Амирхан, Ш. Ахмадиев), дававший автору повод размышлять о судьбах татарского народа и переплетении его трагедии с судьбой опальной ханбике. В этих произведениях она отождествляется с самим народом, как его «дочь» и даже «мать нации». Через эмигрантскую татарскую литературу

ее образ проникает и в турецкую литературу. В 1990-е гг. романтический образ Сююмбеке и ее трагедия были вписаны в трагедию народа, став ярким образом свободолюбия и непокорности (Р. Батулла, М. Хабибуллин, М. Тугай).

Уже в 1917 г. образ Сююмбеке нашел материальное воплощение и был перенесен у татар на русскую проездную башню XVII в. внутри Казанского Кремля, возведенную в том месте, где ранее была дворцовая мечеть и мавзолеи казанских ханов. С этого момента эта башня неофициально носит название «Башня Сююмбеке». Так историческая память народа, перенесла почитание места у татар на выстроенную на этом месте русскую башню, соединив образ ханской Казани с образом Сююмбеке.

Таким образом, личность и трагическая судьба ханбике стала не только достоянием истории, но выйдя за ее пределы, переросла в символ трагедии Казанского ханства. Олицетворяя при этом некий очистительный катарсис возрождения нации, она объединила татарскую и русскую историю, культуру.

И.И. Ханипова: В середине 1980-х годов, будучи школьницей, я слышала от экскурсоводов легенду о том, как Сююмбеке спрыгнула с башни. Это действительно легенда, поскольку в советские годы еще не было ясно, когда башня Сююмбеке была поставлена. Сегодня экскурсоводы ответственно относятся к подаче и интерпретации исторического материала.

И.Л. Измайлов: Очень хорошо, что экскурсоводы становятся более подкованными, но эта легенда все равно существует. Она живет своей жизнью и распространяется не только экскурсоводами, она живет в народе. Это очень показательно и интересно. По сути «Башня Сююмбеке» – это реальное «место памяти» и этот феномен требует осмысления, о чем я и пытался сказать в своем докладе.

Б.И. Измайлов: Легенда – это отдельная история, связанная с городскими историями, которые вырастают вокруг любых архитектурно значимых объектов топонимики. Она живет своей жизнью, она не зависит от экскурсоводов. Даже если экскурсоводы будут говорить о них как о части исторических нарративов, все равно эти легенды будут существовать параллельно. Надо правильно понять историю и ее образы, без этого невозможно понимать прошлое. В докладе зашла речь о «Казанской истории». Я сомневаюсь, что «Остров-Буян» как-то связан с ней и с тем более с селом Верхний Услон. Сказка А.С. Пушкина была написана в 1831 г. и никак не связана с Волгой, которую он даже не видел.

И.Л. Измайлов: Не видел, но читал «Казанскую историю», о чем неоднократно писалось в литературоведении и, не видя Волги, он представлял себе Свияжск, как некий центр мира – между Русью и восточной Казанью. Сказки Пушкина очень насыщены разными образами и очень эклектичны. Восточные мотивы в них очень явственны. Суть не в том, списал ли Пушкин остров-Буян с Свияжска или нет, а в том, что «Казанская история» была очень популярна и ее образы активно проникали в художественную литературу.

Б.И. Измайлов: Нет там таких описаний. Представления о Буяне больше связано с Балтией.

И.Л. Измайлов: Еще раз повторю, не важно связан или нет образ «Острова-Буяна» со Свияжском. Гораздо важнее, что образы «Казанской истории» были в культурном обиходе. Буян – это более сложный образ, а не точка на современной географической карте. Это скорее некий образ в ментальном пространстве, и он связан с поворотом, развилкой миров. На этот счет есть большая литература, но мы сейчас не будем об этом говорить.

Л.Р. Габдрафикова: В источниках прослеживается, когда впервые появляется название башни Сююмбеке?

И.Л. Измайлов: Нет, но она никогда в русской литературе не называлась «Башней Сююмбеке». В татарской литературе эта связь появилась в начале XX в.

Л.Р. Габдрафикова: Получается в XVIII в. в русской литературе. А в более раннее время?

И.Л. Измайлов: Я думаю, что оно появляется в самом начале XX в. Раньше названия не было. Распространение образа Сююмбеке и название башни связаны между собой. Видимо, укоренение образа и название башни в Кремле – это явление одного порядка. Но точно это установить сложно. Это же образ, некая ментальная точка в «месте памяти». Как она зародилась и распространилась не совсем понятно. Надо искать, изучать газеты, другие источники. У меня есть только предварительная схема.

Л.Р. Габдрафикова: Как эта башня называлась раньше?

И.Л. Измайлов: Никак.

Л.Р. Габдрафикова: Когда она была построена?

И.Л. Измайлов: Не знал, что будет специальный вопрос о «Башне Сююмбеке», но могу сказать в самом общем виде, чтобы не углубляться во все детали, что она была построена, судя по данным археологии, в конце XVII в. Не все детали этого строительства понятны и известны, но она уже есть на гравюрах западноевропейских путешественников. Башня была частью какого-то большого строительства – воеводского двора. Но оно не было завершено, и башня осталась вне предполагаемого ансамбля. Это дает основания спекулировать на том, что башня является частью ханского двора. Действительно здесь был Ханский двор и в нем было много построек – мечети, дворец, мавзолеи. Но ничего похожего на башню. Она четко датируется концом XVII в. и не имеет связи с ханским периодом. Археологи пытаются утверждать, что здесь была какая-то другая дозорная башня, но результаты этих наблюдений неопубликованы и понять, что это за постройка, была ли она вообще – непонятно. На гравюрах видно некое высокое строение. Но сами гравюры достаточно условны и не писались с натуры.

Б.И. Измайлов: По этому вопросу прослеживаются разные моменты. Если говорить про башню между дворцовой церковью и башней Сююмбеке – есть отдельная часть, которая по всей видимости связана с мечетью ханского двора, но она частично уходит под первый пилон, получается северный пилон «Башни Сююмбеке». Второй пилон висит только на деревянных сваях, отчего идет крен

в сторону (потому что они стоят на разных основаниях). У С.П. Саначина есть логичная история. Она логичная, потому что он ее объясняет на картах. Я не очень понимаю его связь между появлением башни и появлением обер-комендантского дома в 1708 г. Что такое обер-комендант? Вся административная реформа Петра I была связана исключительно с военными действиями, Северной войной. Появление губерний тоже с этим связано. Саначин обозначает крупные города, где есть крепости обер-комендантов с достаточно размытыми должностными инструкциями. В этой связи, якобы, на территории современного Казанского Кремля в 1708–1714 гг. начинается строительство обер-комендантского двора. Возникает вопрос: «Для чего такую башню возводить в обер-комендантском дворе?».

И.Л. Измайлов: Я думаю, это более ранняя постройка, допетровская.

Б.И. Измайлов: Согласен. Либо она была построена в конце XVII в. Но для чего в обер-комендантском дворе была нужна эта махина?

И.Л. Измайлов: У меня есть гипотеза о том, что к столетию присоединения Казанского края к русскому государству намечалось строительство какого-то сооружения. Триумф русской власти, русского величия в архитектуре, центром этого ансамбля должны были быть огромные проездные ворота. Сейчас после всех перестроек трудно понять реальное расположение построек, но я сам застал, на старых фото видно, что подъем от Тайницкой башни шел именно к «Башне Сююмбеке». Сейчас все не так ясно видится. Раньше спуск был вполне логичным, как и поворот к башне. Он шел с Тайницкой башни.

Б.И. Измайлов: Это скорее всего было связано со старой топонимикой Казанского ханства, поскольку она была неравномерной. Там заезд был именно в Ханский двор.

И.Л. Измайлов: Все правильно. В Казанском ханстве не обязательно, что въезд был прямо на месте башни, он был чуть в стороне, а мавзолеи были внутри двора. Но где-то здесь находились проездные ворота, следы которых были снесены поздними постройками.

Б.И. Измайлов: С позиций концепции исторической памяти проблема мне видится в другом. На мой взгляд, следом должен изучаться вопрос о том, почему сохранялась память об этом месте. Как из русской публицистики на эту башню была перенесена история, связанная с Сююмбике? Моя версия такова. Данное место, поскольку территория Кремля, видимо, долгое время в XVI–XVIII вв. была закрыта, во всяком случае для татар, как и для любого гражданского населения, не связанного со службой, было покрыто тайной. Я думаю, что часть этого места, где находился мавзолей, была выровнена с землей, закопана, но в памяти мусульман это место существовало, как святое место. Не случайно, в начале XIX в. сюда приходили татары и молились. Такая память сохранялась даже в советское время – вспомним, что культ неких святых мест существовал в таком виде в разных регионах. В 1990-е годы мы видим на фотографиях, связанных с возрождением ислама, – то, как молятся в Казанском Кремле.

Первое, откуда сняли императорский герб и поставили полумесяц была «Башня Сююмбеке». Память о святом месте возможно в последствии была перенесена, особенно тогда, когда в Казанском Кремле появилось многостроей. По всей видимости, рядом были территории, связанные с православным Благовещенским собором, поэтому появление этой башни для мусульман создавало ощущение места памяти. Получается, что там, где конкретизировалась башня у татар-мусульман концентрировалась и историческая память. Она называлась не «Сююмбеке», а Ханская мечеть.

Л.Р. Габдрафикова: В конце XVIII столетия в Казани были разговоры о том, что в этой башне, на шпигеле, хранятся какие-то татарские записи. Не только сами татары верили, что там что-то есть, но и остальные. Решили осмотреть шар. Он оказался полый и пустой. Но это ведь сколько действий надо было совершить предварительно для осуществления этой идеи?! Получить разрешение от властей, плюс огромная высота. Есть ли, помимо нарративов, какие-то документы об этом эпизоде?

Б.И. Измайлов: Еще одно подтверждение того, что это место очень почиталось. Это легенда, конечно, но не важно подтверждалась она или нет в документальных рукописях. Главное, что эти легенды были и они принимались на веру. Даже если сейчас скажешь, что было не так, люди все равно будут верить. Главное, что возникла связь этой башни с эпохой Казанского ханства, а уже позднее – с Сююмбеке.

Д.М. Гараев: Мне кажется, очень важно, что имеется отдельный образ Сююмбеке, есть отдельная башня – все это классика жанра, т.е. это просто место памяти. Но почему именно Сююмбеке? Получается из всего набора героев выбирается именно она – женщина. Причем здесь она? Для меня это не очень понятно, потому что Лилия Габдрафикова писала про рубеж XIX–XX века – это такой период, во время которого выстраивается идентичность татарской нации. Здесь я вижу, что татарская идентичность выстраивается вокруг травмы. Если мы говорим про память, получается, что вокруг этого объединиться гораздо проще?

И.Л. Измайлов: Из всех разных возможных альтернатив, которые представлялись историей наиболее раскрученным в русской культуре оказалась Сююмбеке. Но раз русские почитают, а мы – татары – почему нет? У нас должна быть своя героиня – «мать нации». А тут такая трагическая судьба, напрямую связанная с падением Казани и потери независимости. Интересно, что этот вопрос стал актуальным именно в начале XX в. Создание партии «Союз мусульман», открытие газет, развитая историческая традиция – все это явления нациестроительства. Именно в этот период и формируется пантеон героев и антигероев нации. Сююмбеке подходила по всем параметрам.

Д.М. Гараев: Вы думаете именно потому, что это в определенное время был самый раскрученный персонаж у русских, в российской историографии?

И.Л. Измайлов: Да, он проник к татарам именно через русскую культуру. Через такие имена, как М.М. Херасков, Р.Г. Державин. Все указывает на то, что

татарская культура освоила этот образ позднее. Нет сведений, что он как-то распространялся и был популярен у татар вплоть до конца XIX в.

Б.И. Измайлов: Здесь есть методологическое объяснение: мы иногда путаем историческую память и память коллективную. Мы говорим – есть, например, ханбике Нурсултан. Мы знаем о ней по источникам, которые опубликовали и изучили в XIX – начале XX вв., М.Н. Бережков написал о ней большую статью. Но у людей память формируется на основании других аспектов, в том числе связанных с историческими драмами и, возможно, с травмами.

Здесь есть отдельный момент – как реально Суюмбеке оказалась в ситуации, когда историческая травма для всего татарского государства и татарской истории связалась именно с ней, персонифицировалась с ее образом. Хан Йадегар-Мухаммад участвовал в обороне Казани и правил этим городом, но память о нем никак не отразилась в исторической памяти. Он не стал героем драматичной страницы истории народа в качестве последнего казанского хана. Может потому, что он после сдачи в плен перешел на службу к Ивану Грозному и вместе с Шейх-Али воевал против ливонцев и поляков? Никаких проблем у него как у личности не возникало, он не стал предателем. А вот Шейх-Али под воздействием татарской историографии конца XIX – начала XX вв. был записан предателем, его негативный образ приобрел нарицательные черты. Его образ отталкивается, возможно, от положительного образа Суюмбеке, он ее мучил и она – бедная несчастная женщина – терпела все это, но не покорилась. Народ эти образы насыщал своим собственным содержанием, отталкивался от негатива и формировал образ «дочери нации» – угнетаемой, но непокорной. Почему его не ставят параллельно – Суюмбеке и его? Потому что образы совершенно антагонистичны. Его образ сформировался как плохой сын татарского народа, а ее образ уже был положительным. Вероятно, еще и потому что в русской историографии образ Суюмбеке уже был положительным. В 1880-е годы тот же самый Хусаин Амирханов прямо писал, что он из истории Суюмбеке выстроил целую драму. Эта женщина выступила личностью, которая стала посредником между Иваном Грозным и мусульманами. Пытаясь решить историографические проблемы, Амирханов пишет о том, что, когда Казань была захвачена, мусульмане якобы обратились через Суюмбеке с просьбой поговорить с Иваном Грозным. Мусульмане хотели предложить ему разделение проживания с православными: одни будут жить по одну сторону реки Булак, другие – по другой, «мы на левой, вы по правой». Таким образом, в Казани будет две части города. Иными словами, существующую ситуацию символического разделения города татары перенесли на исторические личности и связали ее с Суюмбеке. Отсюда ее роль стала рассматриваться в качестве посредника, защитницы народа.

И.Л. Измайлов: Когда мы говорим, что травмирующий образ Суюмбеке связан с периодом падения Казани, то должны понимать, что он возник в конце XIX в. или даже в начале XX в., когда появляются журналы и светские образы истории начинают проникать в широкие народные массы. Вновь возникает память, образ Суюмбеке становится объединяющим фактором. Формирование

нации требует именно такой памяти, но это не значит, что все века татары жили под гнетом этой памяти. Это результат позднего воздействия, свидетельство становления общей национальной памяти.

Л.Р. Габдрафикова: Давайте вспомним обложку журнала «Сююмбеке» за 1913 г. Невозможно представить, чтобы тогда среди множества татарских периодических изданий начала XX в. был журнал, посвященный какому-нибудь казанскому хану. Например, чтобы среди них были журналы «Ядыгар», «Мухаммед-Эмин» или «Сафа-Гирей». Когда один из татарских издателей Ахмат-Гарай Хасани, выпускавший в Казани журнал «Анг», обратился в Городской музей, чтобы скопировать (т.е. сделать литографию) известной картины с Сююмбеке, на него посмотрели с подозрением. В жандармских сводках появляется донос о том, что этот издатель сделал копию портрета Сююмбеке, значит, он явно затеял что-то – наверное, татары хотят возродить Казанское ханство. А ведь издатель просто сделал копию картины, т.к. он выпускал иллюстрированный журнал на татарском языке. Получается, что в то время даже не допускался самый невинный интерес к теме, связанной с ханами и с татарской государственностью. Возвращаясь к вопросу о народных образах остальных татарских ханов, то если бы это был еще мужчина, то, конечно, люди, связанные с продвижением таких ханских образов, вызвали бы еще большее подозрение у властей и непременно попали бы в списки политически неблагонадежных лиц.

И.Л. Измайлов: Конечно, появление образа Сююмбеке было проще объяснить и преподнести цензуре. Но как можно запретить этот образ, когда вся русская литература, начиная от Гавриила Державина, прославляет и описывает ее. Это же царица Сююмбеке! Вы что? Против Державина? Считаете, что он писал о чем-то недозволенном? Эти обстоятельства тоже могли играть свою роль. Из таких мелких деталей и вырисовывается общая картина распространения образа Сююмбеке.

Э.М. Дусаева: В данном контексте важна социология чтения. Факт наличия подобных произведений еще не говорит об их бытовании. Одно дело приватное чтение, другое дело публичное. Еще один момент, на который я хотела бы обратить внимание. Когда мы с командой в 2020 г. занимались концепцией исторического центра Казани, мы опрашивали казанцев об образе Казани, предлагали сравнить его с человеком, возможно собирательным образом, описать его возраст, характер и прочее. Это было качественное, а не количественное исследование, было опрошено более 300 человек жителей Казани, причем была разная выборка по полу, возрасту, это были жители разных районов города. Как вы думаете, что ответили казанцы, отвечая на вопрос: «Кто такая Казань?» Женщина средних лет. Часть людей фактически описывала стереотипный образ Сююмбеке или даже называла ее имя. Сююмбеке – нарратив, который неоднократно объединял татар, выстраивал их идентичность. Здесь важно понимать, что это скорее внешняя история отстраивания себя через травму. Интересно, что это скорее внешний контекст завоевания, утраты государственности, самостоятельности, а не внутренние процессы.

Д.М. Гараев: Получается, образ формируется прежде всего на трагическом?

И.Л. Измайлов: В становлении нации важны исторические реалии, но не менее важны трагичность, коллективные переживания, общие эмоции. Сююмбеке их вызывала. Ее образ объединял, как некий трагический контрапункт татарской истории, персонифицированный в отдельную судьбу. Именно так это, видимо, и бывает.

Б.И. Измайлов: Нейтральные, не вызывающие эмоции персонажи не приживаются в народной памяти. Историческая память нужно именно провоцировать, насыщать трагизмом, делать достоянием нации. Историческая память базируется именно на эмоциях.

Л.В. Сагитова: Согласна, эмоции в структуре исторической памяти играют огромную роль. Именно они, так или иначе, окрашивают образы значимых исторических персон, очеловечивают их, и как-то «природняют», делают своими, близкими. В свою очередь, это «природнение», сопряжение исторической персоны – образа с историей народа, его культурной и духовной составляющими – стимулирует и когнитивные компоненты этнической самоидентификации. При этом формат когнитивной включенности может значительно различаться – от легенды-сказки – до серьезных исторических изысканий с целью уйти от стереотипов восприятия образа, от сложившихся мифов – глубинно понять эпоху и, исходя из нее, действия значимых исторических персон. Кстати, в нашем случае, образ царицы Сююмбеке – благодатный материал для очеловечивания сухой учебной литературы в школах, колледжах и вузах, воспитания критического мышления, с одной стороны. А с другой – воспитание более осознанного отношения к своей собственной истории, истории своего народа в контексте большого государства, каковым является Россия.

Важно еще подчеркнуть инструментальную сторону, или функцию образа. Можно сказать, что образ Сююмбеке – это инструмент, который совершенно по-разному используется и в разных нарративах, и в разных слоях населения, и в разных идеологиях. Изучение этого образа в качестве самых разных версий личностных и групповых идентификаций – малоизученное и потому очень притягательное поле для исследований. Здесь коллаборация историков, социологов, этнологов может дать интересные и перспективные результаты. А именно посмотреть: Почему, на каких основаниях, и в каких исторических условиях так действует этот инструмент? Почему и в связи с чем, ее образ так или иначе интерпретируется или репрезентируется в публичном пространстве? Что цепляет и привлекает аудиторию? Как это влияет на общенациональный исторический нарратив народа, как нации? Все, о чем мы говорили и обсуждали – подтверждает и развивает роль образа в качестве влиятельного инструмента идентификации и самопрезентации татарского народа.

Есть и еще один важный, с точки зрения межэтнических отношений, аспект. Это интерпретация поведения и исторической роли царицы Сююмбеке в представлениях профессиональных историков, национальной интеллигенции –

в контексте политической истории Казанского ханства и Московского царства. Мы видим, что этот контекст до сих пор оказывает огромное влияние на российскую государственную идентичность, на формат исторического нарратива в науке и публичном пространстве через СМИ и историческую беллетристику. Он репрезентируется как драматургия взаимоотношений русских и татар. А это, в свою очередь, сильно влияет на обыденные представления людей, на массовое сознание: формирует образы, представления о режимах взаимодействия «мы» и «они», как со стороны татар, так и со стороны русских, хотя для последних, допускаю, этот образ менее значим, чем для татар. Тем не менее, этот фактор также играет роль в том, как окрашивается в сознании людей история межэтнических отношений между двумя доминантными в России народами через перипетии личной и государственной истории царицы Сююмбеке и московского царя. И это уже вектор политики идентичности в региональном и общероссийском разрезах, что также должно быть в фокусе научных исследований.

Б.И. Измайлов: В последнее время появились новые версии о Сююмбеке. Их авторы заявляют: «Она ведь не была татаркой! Почему вы ее делаете символом? Она же ногайка. Они говорят, что она родом из ногаев. Дочь бия, княжна... Она же никакого отношения не имеет к татарам». Это уже войны памяти.

И.Л. Измайлов: Для средних веков такого понятия, как нация не существовало. Для всех постзолотоордынских государств татары были синонимом военно-служилого сословия. Для периода формирования нации это уже не имело значения, поскольку нация включает в себя всех тюрко-мусульман. Но в любом случае Сююмбеке стала частью именно татарской истории. Например, Изабелла – «Французская волчица» – неотъемлемая часть английской истории, хотя происходила из рода Капетингов. Не надо опрокидывать на средневековые современные понятия и искать там несуществующие национальности. Главное, что ее образ укоренился именно в татарской исторической памяти, как его важная часть.

Г.Ф. Габдрахманова: Почему выстреливают одни исторические персонажи, а другие нет? Мне кажется, надо еще подумать о такой теме как жертвенность. Культ святых места, поклонение святым – это что? Это поклонение тем людям, которые совершали праведные дела, погибали во время совершения хаджа. В 2015–2017 гг. я с известным этнографом Р.К. Уразмановой занимались изучением культа святых у татар Волго-Уральского региона. Рауфа Каримовна поставила амбициозную задачу объездить весь Татарстан и зафиксировать святые места в разных деревнях республики. Как только мы только начали работать, сразу поняли, что это неподъемный объем. Святые места есть чуть ли не в каждой деревне, группе деревень (не всегда, правда, они поддерживаются, охраняются сельчанами). Возле святых мест сформировалась особая культура, целая системы обрядовых действий, которая складывалась на протяжении многих столетий. Люди нередко приходят на них тайно, поклоняются Всевышнему с просьбой помочь в повседневных проблемах. Например, женщины просят о долгожданном зачатии ребенка или о благополучном поступлении молодых

родственников в институт, прохождении. Есть свидетельства того, что в годы Великой Отечественной войны женщины массово посещали святые места и молились о возвращении родных мужчин с фронта. Давайте вспомним Билярск. В огромном количестве этнографической литературы начала XX века описывается как чуваша, татары-кряшены и татары-мусульмане активно приходили к святому источнику на этом месте, поклонялись святым, совершали обряды. При этом никто никому не мешал и все мирно проводили обряды. Другой пример – Булгар, куда православные, мусульмане приезжали даже в советское время, поклонялись местным святым.

На мой взгляд, при обсуждении темы исторической памяти нужно говорить не только о крупных, легендарных фигурах таких как Суюмбике, но стоит обращать внимание и на мезоуровень. Ведь историческая коллективная память – это еще и микроистория. Это разные персонажи из набора близких и понятных представлений людей. Между двумя этими уровнями есть четкая связь. Я согласна с Бахтияром Искандеровичем в том, что, наверное, историческая память все-таки начинается с факта народного поклонения отдельной личности. Люди начинают объединяться, приходят на места поклонений, потом вся эта история обрастает большими легендами, фактами. Этот процесс постепенно раскручивается, насыщается идеями, смыслами. Например, деревенские святые места – это обязательная легенда не только о погребенной там личности, но и история про самые разные несчастья, напасти, которые случились с односельчанами, без уважения относящихся к могилам святых. Да, Суюмбеке стала общетатарским символом, но я призываю к обсуждению и другого уровня исторической памяти, других фигур истории.

Тема святых мест в исламе – очень дискуссионная. Давайте вспомним о том, что Ш.Марджани и Р.Фахретдин весьма неоднозначно высказывались о святых местах. Некоторые представители современного мусульманского духовенства нередко весьма скептически относятся к этому явлению, ругают людей, посещающих святые места, обвиняют их в идолопоклонстве, язычестве. ДУМ РТ официально обозначили свою позицию в отношении культа святых у мусульман, оценив его как часть татарского ислама. Когда мы с Рауфой Каримовной ездили с экспедициями по Татарстану, мы видели насколько важны для простых людей святые места, потому что для них это психологическая поддержка в трудных жизненных обстоятельствах, точка опоры в эмоциональном плане.

Д.М. Гараев: Эти отдельные истории связаны с тем, каким образом воспринимается то или иное явление (в том числе святое место) конкретным муфтием. Сейчас какая политика муфтията? Например, поменялось же отношение к *Булгар жыен*.

Э.М. Дусаева: Образ Суюмбеке и нарративы с ней связанные – это шаги по выстраиванию национальной идентичности. В последнее время появляются большие нарративы, что скорее продолжает советские традиции по популяризации идеологии через оперу и балет, а зародилась она в Италии, когда опера «Набукко» Дж Верди стала гимном новой Италии и появившихся итальянцев

как нации. *Алтын Урда*, *Алтын Казан* – это сложный конструкт из исторических, мифологических историй, упакованных современным и советским языком. Так в *Алтын Урда* очевидны цитаты, например, из советского балета «Спартак». Последние десять с лишним лет холодная память начинает оживляться через разные культурные проекты в том числе, как будто это горячая память и имеет к нам непосредственное отношение.

Л.Р. Габдрафикова: Здесь не надо забывать и о том, что в начале XX в. в интеллигентных татарских семьях девочкам давали имена Сююмбеке. Это было новое явление для той эпохи, об этом с гордостью сообщали в татарских газетах. Эти новые Сююмбеке жили и в советские годы, антропонимическая традиция в какой-то мере продолжалась и дальше. Например, татарский поэт Сайфи Кудаш, живший в Уфе, дал такое имя своей дочери в 1921 г. У нас есть сотрудница Лейсан, её маму зовут Сююмбеке. Эта женщина, скорее всего, 1950-х гг. рождения (1961 г.р. – прим. ред.). Получается, что даже в послевоенное время давали такое имя. Это тоже форма коллективной памяти, один из инструментов сохранения этой истории.

Д.М. Гараев: Возникает вопрос: если, условно говоря в XIX в. происходит формирование татарского национального нарратива, то почему татары все-таки восприняли русский нарратив о самих себе и сделали его одним из своих символов? Почему именно по этому вопросу татарский национальный нарратив оказался восприимчив? Почему мы берем Сююмбеке и так называем башню? Как это работает? О чем оно говорит с точки зрения памяти?

И.Л. Измайлов: Может показаться, что это прямой перенос. Но это не совсем так. Сююмбеке, как исторический персонаж уже существовал в татарском нарративе, он не был навязан извне. Конечно, в трудах Ш. Марджани и Р. Фахретдина ей уделялось мало места. Фактически она только упоминается, ее образ не раскрывается. Это было связано с тем, что Марджани и Фахретдин изучали исторические источники и по ним описывали историческую судьбу тех или иных персонажей. У того же Р. Фахретдина есть целая галерея образов. Но они не так активно использовали русские источники, справедливо считая, что те искажают какие-то детали. Но в любом случае, Сююмбеке уже была в татарской истории, как часть нарратива. Ученики и последователи Марджани и Фахретдина шли дальше и, выбирая персонажи для описания, ориентировались на их характеристики. Дополнительным раздражителем или фактором внимания было то, что Сююмбеке была хорошо известна русской историографии и литературе. Кроме того, мы уже говорили, что это был образ не конфронтационный, несмотря на весь драматизм эпохи. Наоборот, это был образ в определенной степени примиряющий и объединявший, хотя акценты в русской и татарской историографии расставлялись по-разному. В этом моменте, на этой самой точке сборки происходит объединение разных факторов, определенная контаминация многих элементов, и один из главных – это как раз эмоциональность, мученичество и напряжение истории. Этот драма истории становится решающим фактором. Ханов в истории Казани было много, но не все они тогда были так из-

вестны, не все могли стать объединяющим образом. В них не было нерва прошлого, а это важный момент, поскольку история – это рассказ, а настоящая драма должна рвать душу, не должна оставлять равнодушным. Казанским ханам этого не хватало. Не были они талантливо описаны, не имели их судьбы должного драматизма. А без этого нет рассказа, нет истории. Суюмбеке сполна обладала всеми этими качествами. Она как раз олицетворяла светлый образ – страдающий, трагичный, но который вызывает катарсис. Это признак настоящей истории. Именно поэтому она так пришлась по душе татарам, перенесших на нее свои представления о женщине-героине, а от нее к образу «матери-родине». Победенной, но не покоренной, зовущей к возрождению.

Д.М. Гараев: Второй вопрос: как работала имперская память, раз уж все было не все так однозначно? Получается имперская власть разрешила быть татарскому нарративу в Казанском Кремле. Назвали башню, туда ходили люди. Она воспринималась имперской царской властью как татарское место внутри Кремля.

Л.Р. Габдрафикова: Татарские купцы несли даже финансовую ответственность за эту башню. В начале XX в. в Казанской городской думе рассматривался вопрос о ремонте башни Суюмбеке. Это обсуждение и дальнейшую реализацию продвигали как раз гласные-татары.

Д.М. Гараев: Это же хорошо, они сами свое же реконструировали. Татары может быть и инициировали это?

И.Л. Измайлов: Вовлеченность, в том числе лояльность существующей имперской власти – это не нечто противостоящее, а наоборот вполне вписанное.

Л.Р. Габдрафикова: Надо обратить внимание и на то, что в это время активно развивалась благотворительность, а такое поведение поощрялось властью – если человек занимается благотворительностью, то получал какие-то преференции от нее. В этом смысле, все тут совпало.

Э.М. Дусаева: Когда мы говорим про имперский нарратив, кого мы конкретно имеем ввиду – городского главу, ратушу? В начале XX в. именно татарские купцы объединились вокруг фигуры Суюмбеке, точнее вокруг контекста и смыслов. У Суюмбеке были хорошие промоутеры. Полагаю, что необходимо исследовать и народную память, посмотреть, какие истории, байты, колыбельные бытовали параллельно с практиками меморизации образа Суюмбеке, такие как, например, появление название башни.

Д.М. Гараев: Должен быть какой-то канал.

Э.М. Дусаева: В любом случае должна быть диверсификация, там же не должно быть только одно и все.

А.Г. Хайрутдинов: Я с вами согласен, действительно все это было. Например, про взятие Казани есть байты, правда они мало сохранились, потом они трансформировались под другие исторические события. Про Суюмбеке естественно все знали. Хождения по святым местам – в источниках описывается как там читали намаз. Все это память, потому что она повторяется и не только у та-

тар. Например, в китайских источниках девушки все время прыгают куда-то, спасая свою честь.

Д.М. Гараев: Откуда появился образ прыгающей с башни Сююмбеке? Почему он появился благодаря глубокой истории? Но она не связана ли с другим интересным фольклорным фактом, т.е. с названием *Кыз-кала* – «Девичья башня»?

И.Л. Измайлов: Интересный вопрос. Все башни, которые носят это название, на самом деле получили их сравнительно недавно и приобрели «девичьи» трагические истории вместе с названием. Тюркологи считают, что первоначально все эти дозорные башни носили название *кюз-кала* – глаз-башни, т.е. буквально «дозорные», а когда это их значение перестало быть значимым, названия переосмысливались в более романтическом ключе. Тем более, что в тюркском мире сформировалась много легенд о «Сорока девушек», о трагических судьбах. Психологически вполне возможно, что все эти легенды прошли те же стадии – от дозорной башни к «девичьей», которая на позднем этапе персонифицировалась в одну – Сююмбеке. Нельзя исключить и такой последовательности. Вот только доказать это сложно – мало городских легенд и преданий. Мало их записывали, а те что есть, они ничего об этом не говорят. Но сама трансформация образа «дозорной» башни в «девичью», а от нее в «Башню Сююмбеки» вполне возможная трансформация образа.

Л.В. Сагитова: Обратим внимание и на, что традиционно – роль мужчины – драться. Для женщины – характерно либо терпение, либо вот такая форма протеста, которая и продуцирует ее героизацию.

И.Л. Измайлов: Почитаемые могилы хана – это святое место. Как правило, это отдельно стоящий памятник русской архитектуры и это есть составляющие, которые объясняют контаминацию образов. Перенос же на эту башню образа Сююмбеке – это история более поздняя, связанная с развитием такого образа в историографии и исторической памяти, причем как у русских, так и у татар.

Д.М. Гараев: Башня Сююмбеке очень похожа на башню Московского Кремля, а эта итальянская архитектура. Вид башни Сююмбеке напоминает падающую Пизанскую башню. Но это вопрос для дальнейшего обсуждения и расширения дискуссии.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Сведения об авторах:

Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Габдрахманова Гульнара Фаатовна, доктор социологических наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Гараев Данис Махмутович, доктор философии (Ph.D.), старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-4176-7761>; e-mail: danis.garaev@gmail.com

Гибатдинов Марат Мингалиевич, кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0007-2050-0175>; e-mail: marmingi@mail.ru

Дусаева Энже Мидхатовна, кандидат культурологии, Институт городских исследований «Тамга» (420008, ул. Пушкина, 1/55, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-8302-5454>; e-mail: endgel@yandex.ru

Измайлов Бахтияр Искандерович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0009-0002-2853-9318>; e-mail: bahismala@inbox.ru

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2165-2916>; e-mail: ismail@inbox.ru

Сагитова Лилия Варисовна, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>; e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович, кандидат философских наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего отделом истории религий и общественной мысли, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-0648-0466>; e-mail: khaidar67@mail.ru

Ханипова Ильнара Ильдусовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

About the authors:

Liliya R. Gabdrarifikova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Leading Researcher at the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31 Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>; e-mail: bahetem@mail.ru

Gulnara F. Gabdrakhmanova, Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-1796-5234>; e-mail: medi54375@mail.ru

Danis M. Garaev, Ph.D., Senior Researcher at the Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Researcher at the Scientific and Expert Laboratory of Socio-Cultural Expertise, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-4176-7761>; e-mail: danis.garaev@gmail.com

Marat M. Gibatdinov, Cand. Sc. (Pedagogy), Deputy Director for Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0007-2050-0175>; e-mail: marmingi@mail.ru

Enzhe M. Dusaeva, Cand. Sc. (Cultural Studies), Institute of Urban Studies “Tamga” (1/55 Pushkin St., Kazan 420008, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-8302-5454>; e-mail: endgel@yandex.ru

Bakhtiyar I. Izmailov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0009-0002-2853-9318>; e-mail: bahismala@inbox.ru

Iskander L. Izmailov, Dr. Sc. (History), Leading Researcher at the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2165-2916>; e-mail: ismail@inbox.ru

Liliya V. Sagitova, Dr. Sc. (Politics), Associate Professor, Leading Researcher at the Department of Ethnological Research, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0002-6426-6970>; e-mail: liliya_sagitova@mail.ru

Aidar G. Khairutdinov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Acting Head of the Department of the History of Religions and Social Thought, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-0648-0466>; e-mail: khaidar67@mail.ru

Inara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Researcher, Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-7585-8069>; e-mail: ihanipova@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 14.05.2025

Доработана после рецензирования / Revised 9.07.2025

Принята к публикации / Accepted 16.07.2025